

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

Фотосессия
в жанре
НЮ

Оля Романчикова

Елена Логунова

Фотосессия в жанре ню

«ЭКСМО»

2012

Логунова Е. И.

Фотосессия в жанре ню / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2012 — (Оля Романчикова)

ISBN 978-5-699-58653-0

Мама, папа и младший брат давно мечтали выдать Олю замуж. Но скромной учительнице не так-то легко найти своего принца! И вот одним прекрасным утром раздался звонок... «Принц» сразу пригласил Олю к себе, но вовсе не ради нее самой! Оказывается, он обнаружил в снегу бесчувственную девушку в неглиже, за резинкой чулок которой была спрятала бумажка с телефоном... Неразборчивая в связях подруга Елка доигралась! Но кто и почему вдруг решил закончить любовные утехи в сугробе?.. Отправив беспутную подругу в больницу, Оля неожиданно задержалась в доме «принца» – вовсе не во дворце, а в покосившейся деревянной избушке. А компанию ей составил самый настоящий медведь... Оля еще не знала, что расследовать случившуюся с Елкой детективную историю они будут втроем – она, «принц» Андрей и мишка Ваня Пух!

ISBN 978-5-699-58653-0

© Логунова Е. И., 2012

© Эксмо, 2012

Елена Логунова

Фотосессия в жанре ню

– Славный праздник – Новый год! Весь народ, как один!

Сержант Шишкин восхищенно причмокнул и заглянул во влажное горлышко фляжки.

Было первое января. Заповедное время, когда вся Россия, от Камчатки до Калининграда, от Сочи до Мурманска, спит богатырским сном.

Спят, пачкая подушки несмытым макияжем и лаком для волос, русские женщины, уставшие от предпраздничных хлопот и праздничного веселья.

Спят русские мужики, со свистом втягивая ноздрями запахи елки, мандаринов, «селетки под шубой» и на выдохе заменяя традиционную ароматическую смесь от поглощенных ими яств ядреным перегаром.

Спят русские бабушки и дедушки, окончательно оглохшие и ослепшие от многочасового фейерверка.

Спят измотанные ожиданием подарков дети и домашние животные с оттоптаннами в суматохе хвостами и лапами...

Сержант Шишкин завинтил крышку фляжки, вообразил себе это сонное царство на одной шестой части суши и едва не прослезился от величия представившейся ему картины и крепости выпитого им коньяка.

– И только я один не как все! – проворчал младший сержант Лейкин, с завистью покосившись на сержантскую фляжку.

– А ты сегодня за рулем! – развел руками его напарник.

– И только я один сегодня за рулем! – мрачно кивнул Лейкин.

Сержант Шишкин оценил суровую правоту сказанного приятелем и перестал улыбаться.

Утром первого января все нормальные люди спали, и только псих мог по доброй воле сесть за руль. Это делало беспрецедентно безопасными российские дороги, но лишало надежды на дополнительный заработок бессонных гаишников. А сержант Шишкин не отказался бы от пары-тройки материальных благодарностей за великодушно невыписанные штрафные квитанции! Новогодний праздник с подарками многочисленной родне изрядно опустошил его карманы.

– Ладно, не горюй! Еще не вечер! – сказал он в утешение самому себе и расстроенному напарнику, а затем закрыл глаза, чтобы поспать, как и весь народ.

Удивленный возглас коллеги Лейкина разбудил его через несколько минут.

– Глазам своим не верю! – радостно воскликнул младший сержант и потряс напарника за плечо. – Петя, не спи! Давай тормози его!

Сержант Шишкин проморгался и увидел приближавшийся автомобиль – старую «шестерку», которая лет двадцать назад была молочно-белой. Теперь она имела цвет неизлечимо больного кариесного зуба.

– А за что?

Слова сорвались с его губ раньше, чем сержант окончательно проснулся. Иначе бы этот глупый вопрос у него вовсе не возник! Мыслимое ли дело, чтобы русский гаишник не нашел, за что оштрафовать соплеменного водителя?!

– Придумаешь, за что! – озвучил эту здравую мысль младший сержант и подтолкнул напарника к дверце.

Зажав под мышкой полосатый жезл и застегивая на ходу форменную куртку, Шишкин пошел навстречу «шестерке».

Непривычно пустое шоссе напоминало серый, в белесом налете, язык гриппозного больного. Дорога была скользкой, как каток. Грязно-белые слежавшиеся сугробы тянулись по обо-

чинам, как бортики хоккейной коробки. Будь машина черной, она была бы похожа на шайбу. А не на пятнистую – белую с черным – корову на льду.

Сержант Шишкин повелительно взмахнул полосатым жезлом, и четырехколесное подобие буренки послушно остановилось.

– Здра-жла, сержнт Шишкн, – небрежной скороговоркой представился патрульный, с трудом дождавшись, пока водитель колымаги опустит стекло путем натужного вращения ручки. – Документики показываем!

– Показывайте, – охотно согласился водитель.

– Пьяный! – восхитился сержант, мгновенно найдя наиболее вероятное объяснение невероятной наглости водителя.

– Похоже, да. Что пили-то? Коньячок?

Наглец выразительно принюхался.

– Мужик, ты в своем уме?! – возмутился Шишкин.

Он запросто мог бы развить воспитательную беседу о правилах хорошего тона в общении с дорожным патрулем до степени взимания вполне приличного штрафа. Но тут в полумраке автомобильного салона на заднем сиденье мелькнул красный помпон, и сержант обрадовался, обнаружив несомненное нарушение:

– А что это вы – ребеночка без детского кресла перевозите? Непорядочек! Ну-ка, кто тут у нас?

Сержант решительно дернул на себя заднюю дверцу.

– Ыыы! – страшным животным голосом проревел предполагаемый ребеночек.

Он резко подался навстречу Шишкину, и тот сначала взвизгнул, а потом попятился. Остеклевший взгляд сержанта крепко приклеился к лохматой фигуре в проеме двери.

На сиденье косолапо переминался косматый медвежонок в лыжной шапочке с помпоном.

– Сидеть! – рявкнул водитель «шестерки» голосом командующего армией.

Зверь опустил на пол, а сержант сел в сугроб.

– Петя, что там? – выглянув в окошко патрульки, встревоженно прокричал младший сержант Лейкин.

– Ме-ме-ме! – удивленно и недоверчиво ответил Шишкин.

– «Ме-ме-ме» – это, товарищ сержант, коза! – насмешливо пробасил водитель «шестерки». – А тут у нас урсус... Для необразованных – бурый медведь.

– Так, в чем дело?! Документики! – заблажил, скользя по дороге, младший сержант Лейкин.

– Такой подойдет? – вздохнул водитель, выбрасывая в окошко руку с красной книжечкой.

– Товарищ майор? Виноват, – Лейкин неловко козырнул и перевел смущенный взгляд за спину водителя. – А это...

– А это – товарищ медведь, – складывая свою красную книжечку, веско сказал товарищ майор. – Служебный. Дрессированный. Готовим к спецоперации.

– Ыыы! – с чувством добавил спецмедведь от себя лично.

– Товарищ ме... Товарищ ма... Ввиноваты! – повторил младший сержант Лейкин и козырнул более ловко, одновременно пятясь прочь от «шестерки».

– Это что было, я не понял? – слабым голосом спросил сержант Шишкин, когда дребезжащая «шестерка» с ускорением покатила в сторону области.

– Хренов фээсбэшный майор со своим специально обученным медведем! – сердито ответил Лейкин, провожая удаляющуюся машину недобрый взглядом.

Он почесал в затылке жезлом, сдвинув на лоб ушанку, и вполголоса пробормотал:

– Вот интересно, что же в нем такого специального? Ядовитые когти и граната в заднице?

Очнувшийся Шишкин при слове «задница» с усилием выдернул свой заледеневший тыл из сугроба, вынул из кармана фляжку, потряс ее, развинтил и со словами: «Первого января на дороге только психи!» – вылил себе в рот остатки коньяка.

– Ой, Ванька, Ванька! – поглядев в зеркальце заднего вида, Андрей сокрушенно покачал головой. – Али не велел я тебе, топтыгину, сидеть смирно?

Старорусский стиль речи Андрею навяляли предметы быта на соседнем сиденье: бала-лайка, шапка-ушанка и цветастый полушалок с бахромой. Все это были Ванькины вещички – реквизит для представлений.

На балалайке мишка тренькал, в платке выдвигался на «Цыганочку», а с шапкой в финале представления обходил благодарную публику, собирая денежки. Не ахти какой заработок, но поболее майорского жалованья, так что грех жаловаться.

Андрей и не жаловался. Он был старшим по званию и имел полное право отчитать рядо-вого медведя:

– Али не наказывал я тебе, Ваня, не переть супротив поганых опричников?

– Ыы, – пристыженно буркнул медвежонок и улется на лохматое одеяло, почти слившись с ним по цвету и фактуре.

Сам-то Андрей к поганым опричникам не принадлежал. Из «фейсов» подполковник Малинин ушел еще по осени, а майорское удостоверение, впечатлившее гаишников, числилось утерянным. Потерялось оно года два назад, а нашлось совсем недавно, на даче, во время генеральной уборки – великой и редкой, как битва столетия.

– Вовремя, выходит, нашлось, еще не раз пригодится! – резюмировал Андрей и осто-рожно прибавил газу.

Заледеневшая дорога походила на бобслейную трассу, но с двусторонним движением. Теоретически. Слава богу, на самом деле на встречной никого не было. Да вообще нигде никого не было, ни одной живой души!

– Первое января!

Андрей сказал это с тем мрачным удовлетворением, с каким гундосый переводчик, озву-чивающий голливудские фильмы-катастрофы, произносит за кадром: «Две тысячи восьмиде-сятый год... Жизнь на Земле прекратилась...»

В этот момент через грязно-серый бугристый бортик слежавшегося снега, отделявший бобслейную трассу областного значения от нетронутого наста, перекатился яркий оранжевый шар – зримое доказательство того, что жизнь на Земле не совсем остановилась и еще вполне может подбросить хорошему человеку какую-нибудь пакость.

И эта пакость только на первый взгляд имела невинный вид пупырчато-рыжего марок-канского апельсина.

Падая, заморский фрукт прочертил в воздухе огненную дугу, утомленный однообразной белизной водитель моргнул и непроизвольно нажал на тормоз.

Машину занесло и развернуло поперек трассы, задний бампер правым углом въехал в сугроб и вызвал сход небольшой снежной лавины. В сугробе образовалось клиновидное уще-лье, а над ним полярной березкой нависло ветвистое, белое, голое – кисть человеческой руки.

– Мммать вашу так, разтак и разэтак! – Из Андрея снова густо повалило русское народ-ное.

Дедова колымага не упустила случая показать характер: дверцу заклинило, пришлось ударить в нее плечом. Плечу, натруженному топором-колуном, это не понравилось, но и дверце мало не показалось. Протестующе крякнув, она распахнулась. Андрей не то выскочил, не то вывалился наружу; оскальзываясь, обежал «шестерку» и с ловкостью примата-прародителя вскарабкался на обледеневший бруствер.

Она лежала на чистом снегу, как на белой простыне. Нет, как на искрящемся кварцевом песке великолепного островного пляжа! Ножки раздвинуты, ручки раскинуты, светлые волосы

разбросаны, лицо запрокинуто к небу... Длинноногая, стройная, почти голая – в одном белье и чулочках.

Красивая.

Живая!

Сначала Андрея бросило в жар, потом в холод.

Он снова помянул общерусскую народную мать, потом персонально – без затей, ненормальной душой, – обругал полуголую красавицу и суетливо завалил ее своей собственной верхней одеждой. Вернее, дедовым лохматым тулупом, древним, неприлично ветхим и вечно востребованным, как та самая фольклорная ругань.

Он повторял нехорошие слова, яростно подтыкая серую овчину под голые и блестящие, точно из целлулоида отлитые, ножки-ручки.

Красавица-блондинка безучастно смотрела в шерстяное, синее в белую нитку, январское небо и помалкивала, как будто происходящее никак ее не касалось.

Медвежонок Ваня, устав скучать на диване, перебрался с заднего ряда в передний, вылез из машины и пришел узнать, в чем дело.

– Вишь, топтыгин, какая незадача! – растерянно молвил ему хозяин.

– Ы, ы! – согласился мишка и подобрался поближе.

Светловолосая незадача, близко услышав его сосредоточенное сопение, неожиданно вышла из комы. Она моргнула, повернула голову, посмотрела на медвежонок и слабым голосом с легкой эротичной хрипотцой пробормотала:

– О, Винни-Пух!

– Ы! – с отвращением сказал русский народный мишка.

– Вот и отлично, давайте знакомиться! – с воодушевлением вскричал его хозяин, искренне радуясь тому, что они с Ваней Пухом нашли не труп, а вполне живого человека. – Это Ваня, я Андрей, а вы у нас кто будете?

– У вас?

Девушка с трудом ворочала языком. Она искоса посмотрела на Малинина, и тот почувствовал себя новобранцем, которого вот-вот начнут жестоко муштровывать.

Это привело его в чувство.

– Ну, если с вами все в порядке, то мы с мишкой поедим, – неискренне сказал он и попятился. – Тулуп, если хотите, можете оставить себе.

– А где же моя шубка?..

Девушка повернула кудрявую головушку, искательно огляделась, но никакой шубки, кроме медвежьей, поблизости не увидела и заметно обиделась.

– А где же ваша шапка? И варежки? И сапоги? И транспортное средство, на котором вы сюда прибыли? – Малинин не удержался, подхватил и широко развернул список очевидных девичьих потерь.

– Домой хочу, – сказала красавица вместо ответа, скривив голубые губы.

– А где ваш дом? – не отставал Малинин.

– А где ваш? – немного подумав, с надеждой спросила девушка и уставилась на Андрея во все глаза.

Они тоже были голубые и слепящие, как уже запрещенные ксеноновые подфарники.

– Ы! – неодобрительно сказал мишка Ваня и, взбрыкнув мохнатым задом, канул под откос на дорогу.

Дальнейшее развитие сюжета было ему уже абсолютно понятно и столь же неинтересно.

Девушка тоже как будто потеряла интерес ко всему: она снова закрыла глаза и замолчала. Отчасти поэтому Малинин не стал отвечать на ее последний вопрос. Да и неохота ему было объяснять, что его собственный дом, вернее, городская квартира, временно пустует без хозя-

ина, потому что живут они с мишкой в старом теткинском доме в поселке Прапорном. Небось городские соседи не потерпели бы присутствия в многоквартирном доме медвежонка!

Малинин обругал себя дураком и на руках, как ребенка, перенес блондинку в машину. Хотя внутренний голос подсказывал ему, что красавицу надо бы оставить где лежала, а еще лучше – закопать поглубже в сугроб, чтобы сама не вылезла и вдогонку не побежала.

Внутренний голос Андрея Малинина был пропитан цинизмом, как сочный лист растения алоэ – полезной горечью. Внутренним голосом с Малининым разговаривал инстинкт самосохранения. Если бы Андрей всегда его слушался, то был бы здоровым, богатым, неизменно преуспевающим мерзавцем.

В машине красавица затряслась:

– Я ддддд...

– Дрожите?

Малинину уже нечего было терять, поэтому он сделался предельно галантным и предупредительно включил печку на максимум. Обогрев в дедовой колыхаге был единственной функцией, к которой у него не было претензий.

Печка шпарила, как аэрогриль, но девица, хоть и завернутая в тулуп, все дрожала:

– Я дддддд...

– Хотите, я еще и шаль вам дам? – предложил Андрей. – И ушанку. Она теплая.

– К черту шаль! – на одном дыхании выпалила пассажирка. – Я Ддаша!

– Ах, вы Да-ааша! Вот оно что! – с некоторым сомнением протянул Малинин, аккуратно поворачивая руль, чтобы вписаться в крутой поворот на проселок. – Даша, значит. Так-так. А что это вы, Даша, делали в чистом поле на снегу? В первый день нового года? В кружевном белье? Одна-одинешенька?

Он бы еще понял, если бы на снегу в чистом поле и кружевном белье красавица Даша лежала в приятной компании. Андрею Малинину и самому не раз приходилось встречать первое января в весьма необыкновенных местах, видах и позах, но никогда при этом он не бывал одинок, как глаз циклопа.

– Как вам не стыдно!

Даша возмутилась и посмотрела на Андрея, как благодетельная Мальвина на невоспитанного Буратино, сунувшего грязную руку в полную сахарницу.

– Я устала, замерзла и плохо себя чувствую, а вы пристаёте ко мне с такими глупыми вопросами!

– Ну да, конечно!

Андрей снова покосился на балалайку с ушанкой – девица бесцеремонно сбросила их с сиденья и попирала пятками – и вспомнил заветное, сказочное:

– Ты меня сначала в баньке попарь, накорми, напои, спать уложи, а потом уже расспрашивай!

– Вот именно!

Нахалка кивнула и закрыла лазоревые глазки.

Через минуту Андрей уже слушал ее похрапывание.

Этот звук ему не понравился. Внутренний голос сварливо сказал, что он не удивится, если Даша сляжет в обещанную ей постель с пневмонией, и в очередной раз оказался прав.

– С Новым годом, земляне! – с большим чувством проорал во дворе пьяный мужской голос.

Затем грохнула петарда – недостаточно громко, чтобы взрыв услышало все население планеты, но для двора, выстроенного колодцем, в самый раз.

Оля услышала, как слева за перегородкой со стенами заворочался отец, а за стеной справа, в кухне, не по-детски выругался Костик.

– С новым счастьем! – донеслось в приоткрытую форточку.

Оля села, спустила ноги на пол, нашарила тапочки и пошла к окну. Шторы были задернуты, но не плотно, и просвет между ними слепил тугой белизной, как молния.

Часов девять, наверное, прикинула Оля. Все нормальные земляне еще спят.

Она с треском задернула занавески и зажмурилась.

Было не девять часов утра, а много позже: солнце уже поднялось над крышей дома напротив и сидело на трубе вентиляции, как колобок на пенке. Снегопад, неожиданно и чудесно украсивший собою новогодний праздник, давно закончился, и припозднившиеся гуляки успели запятнать белый двор разноцветным серпантинном, мандариновыми шкурками, конфетными фантиками и обрывками фольги с бутылочных горлышек. На пустой бельевой площадке тихо дымилась трубка из-под недавно взлетевшей ракеты.

Пиротехника, шумно поздравившего «с наступившим» сонный двор, уже не было видно, но Оля, как воспитанная девушка, вежливо ответила в форточку:

– С Новым годом! С новым счастьем!

Очень, очень хотелось надеяться, что уж в этом-то году счастье не обойдет ее стороной. Сколько же можно обходить-то? Уже тридцать четыре года!

– Даже Илья Муромец на своей печи меньше просидел, – пробормотала Оля, стягивая через голову ночнушку.

В ярком утреннем свете ее белая кожа отсвечивала голубизной.

Может, действительно походить в солярий? Мать, вон, называет ее бледной немочью, а Елка все уговаривает взять отпуск и слетать в Таиланд. Там, мол, тепло, даже когда у нас зима и на пляже можно загорать топлес.

Как будто она станет загорать топлес!

Оля покачала головой, надела длиннополый байковый халат, тщательно застегнула его на все пуговицы и подпоясалась.

Это Елка может себе позволить щеголять в декольте и мини, а ей надо выглядеть прилично. Она же не клубная стриптизерша, она – школьная учительница!

Телефон взвыл громко и возмущенно, как холеная кошка, которой неожиданно наступили на хвост.

– Костик, зар-рраза! – Оля произнесла свое самое страшное ругательство и побежала в прихожую.

Новый телефонный аппарат был новогодним подарком всей семье Романчиковых от ее младшего члена. Только теперь, услышав звонок, Оля поняла, почему Костик коварно ухмылялся и упорно именовал новый телефон витиеватым именем собственным – Желтый Дьявол. Такой звонок сошел бы за сигнал тревоги даже в аду!

– Что за шум?

Из родительской спальни выглянула мама.

Ее густо залакированная праздничная прическа из лиловогоголубых волос оттенка – тоже Костина шутка – «Мальвина на пенсии» не растрепалась, а только примялась с боков, сделавшись похожей на деформированный рыцарский шлем. От подбородка и ниже мама закуталась в красный плюшевый плед и выглядела очень героически, как одинокий средневековый воин на поле великой битвы. А папин громкий, со всхлипами и присвистами, храп вполне мог сойти за стоны раненых бойцов и хрипы загнанных коней.

«Уланы с пестрыми значками, драгуны с конскими хвостами, все промелькнули перед нами, все побывали тут!» – процитировал Олин внутренний голос незабываемое, лермонтовское.

– Это телефон, – коротко объяснила Оля маме и сняла трубку.

– Ийа-уйау-йааааа! – нечеловеческим голосом провыл Желтый Дьявол ей в ухо.

– Отойдите подальше от телевизора! – строгим учительским голосом потребовала Оля. – У вас там сильно фонит, я не слышу ни одного человеческого слова!

- ...мать! – пробилось сквозь помехи весьма распространенное человеческое слово.
- Не слышу! – упрямо повторила Оля, против воли покраснев.

Когда какой-нибудь дерзкий мальчишка из старшего класса позволял себе отпустить в ее присутствии этакое словечко, Ольга Павловна не падала в обморок, но и не читала паршивцу нотаций. Она просто делала лицо, как у мраморной кариатиды – каменное, холодное и бесконечно усталое. И притворялась, будто не только не слышит, но даже и не видит грубияна – вот такое он ничтожество! На мальчишек это неплохо действовало.

- Но голос в трубке был басовитым и явно принадлежал грубияну с большим стажем.
- Я сказал – твою мать! – повторил он с вызовом.

– Вы хотите поговорить с моей матушкой, Галиной Викторовной? – голосом крепким и холодным, как виски со льдом, спросила Кариатида Павловна.

Матушка Галина Викторовна, волоча за собой бархатную попону, с готовностью выдвинулась в прихожую.

- Нет!

Трубка рывкнула так, что общительную маму отнесло обратно.

- Я ни с кем не хочу говорить! Я хочу есть и спать!

– В таком случае приятного вам аппетита и спокойной ночи, – вежливо пожелала бело-мраморная Ольга Павловна и аккуратно опустила трубку на рычаг.

- Кто это тебе звонил? – с жадным интересом спросила Галина Викторовна.

- Никто. Псих какой-то.

- Мужчина?

У мамы заблестели глаза.

- Да какой мужчина, мам! Говорю – псих!

Оля рассердилась.

Родители чем дальше, тем больше донимали ее расспросами и советами относительно ее никак не складывающейся личной жизни. Оля чувствовала, что скоро сама спятит от такого мучительного к себе внимания.

Телефон снова взвыл. Сдвоенным эхом простонали папа в спальне и Костик в кухне.

- Да! – мгновенно сдернув с аппарата трубку, гаркнула Оля.

- Нет! – возразил хамоватый псих. – Не смейте бросать трубку! Я еще не закончил!

- Что ему нужно? – Раздражающе любопытная мама придвинулась ближе.

Оля приложила трубку к груди, тяжело вздохнула и с мольбой взглянула на потолок. Господи, за что ей такое начало нового года? И неужели он теперь весь будет таким?!

- Вы кто? – квакнула трубка.

– Оля, Оля она! – повысила голос любящая мама-пенсионерка с не по возрасту чутким слухом. – Очень хорошая девушка, учительница! Еще не замужем!

- Мама!!! – возмутилась хорошая, но незамужняя девушка.

- Да ладно? – Трубка хамски хохотнула.

- А вы-то кто?! – обиженно спросила Оля, погрозив маме пальцем.

– А я... Слушайте, это не тот вопрос! Сначала надо бы выяснить, кто такая эта мадам в развратном белье, у которой под резинкой чулка была бумажка с вашим телефонным номером!

- Что? – Оля опешила.

- Что, что?! – подхватила мама.

– Вы что, не знаете такую? – Голос в трубке помрачнел. – Эй, не надо со мной шутить! Давайте вспоминайте! Фигуристая блондинка с голубыми глазами и синим лицом...

- Почему – с синим лицом? – машинально переспросила Оля.

В голове у нее уже складывался образ, окончательному узнаванию которого изо всех сил противился инстинкт самосохранения. Вязываться в неприятные истории Оля очень не любила, а тут явно был тот самый случай.

– Потому что на фиг валяться на снегу в одних кружевах с бантами! Этак и вовсе посинеть можно, до гробовой доски.

– Погодите... Они красные? – несколько не в тему спросила Оля с внезапным подозрением. – Бантики на белье – красные? А кружева – малиновые, да?

– Ага, просто порнография.

– Ой...

– Что, что – ой, Олечка, что – ой? – заволновалась любящая мама.

– У вас там что – сеанс мозгового штурма? – почти добродушно поинтересовался вредный голос в трубке. – Я так понимаю, коллективный разум узнал мою гостью? Ну, и кто она вам? Только не говорите, что тоже очень хорошая девушка, незамужняя учительница, я все равно в это никогда не поверю.

– Она не учительница, она в ларьке торгует, – со вздохом ответила Оля. – Это Елка, моя подруга.

– Тьфу, шалава беспутная!

Галина Викторовна в сердцах плюнула под ноги и ушла к себе в спальню, потеряв интерес к происходящему.

Беспутную шалаву Елку она не привечала, считая, что та никак не годится ее дочке в подружки. Вот только никаких других подруг у Оли уже не было: ее ровесницы давно жили насыщенной семейной жизнью, не оставлявшей им ни времени, ни сил на беззаботное общение в стиле «между нами, девочками». Елка же умудрилась из двух своих скоропалительных браков выйти и без потери боевого духа, и без приобретений в виде малолетних детей, так что в каком-то смысле они с Олей снова оказались в одной песочнице.

– Елка? – с недоумением повторил этот, в трубке. – Вы дружите с деревьями?

– По-вашему, я дура?! – Ольга Павловна снова вышла из образа невозмутимой кариатиды.

Почему-то у нее не получалось сохранять спокойствие, разговаривая с этим типом.

– А, по-вашему, это я дурак? – фыркнул он. – Между прочим, мне ваша подруга назвалась Дашей!

– Ну, правильно, она и есть Даша, – Ольга Павловна собралась с мыслями и объяснила толком: – Она Даша, Дарья Петровна Елина по прозвищу Елка. Я ее так с детского садика зову.

– Ага, с тех времен, когда вы с Елкой обе были молодыми и зелеными, – язвительно хмыкнул тип.

Обидный намек на их нынешний с Елкой недетский возраст Оля высокомерно проигнорировала.

– Послушайте, вы зачем мне звоните? – почти кротко спросила она.

– А кому же мне звонить? – сердито удивился ее собеседник. – Ваша подруга – вот и забирайте ее! А то она разлеглась тут, как у себя дома!

– Послушайте!

Оля снова обиделась, но теперь уже не за себя, а за Елку.

– Я не знаю, что за отношения у вас с моей подругой, вы оба взрослые, сами разбирайтесь... А только настоящий мужчина не повел бы себя так, как вы!

– Да что вы?!

– Конечно!

– Ха!

Гневный смешок влетел в ухо, как шмель. Оля непроизвольно потрясла головой.

– А теперь вы послушайте! – сухо и очень деловито произнес мужской голос в трубке. – Поселок Прапорный, улица Березовая, восемь. Немедленно приезжайте по указанному адресу с паспортом и медицинским полисом вашей подруги.

– Что... Что вы с ней сделали?!

Оля покачнулась и оперлась рукой о стену.

Страх за беспутную подружку накатил на нее, едва не опрокинув. Елка, конечно, идиотка, и неразборчивость в связях рано или поздно должна была привести ее к плохому финалу, но как ужасно, что это случилось так рано! Да еще в новогоднюю ночь!

– Верх цинизма, – прошептала Оля.

– Что вы там лопочете? – раздраженно спросила трубка. – Ничего я с вашей Елкой не сделал! Подобрал ее полуголую на снегу, привез к себе и уложил в свою постель. Одну! А у нее, похоже, пневмония! А у вас – большое воображение!

– Простите, пожалуйста, – Оля покраснела.

– Прошу, – неласково пообещала трубка. – Если вы избавите меня от этой заботы! Прапорный, Березовая, восемь – запомнили?

– Запомнила.

– Все. Жду.

Трубка загудела.

– Жди меня, и я вернусь, только очень жди! – тут же вспомнилось Ольге Павловне забываемое, симоновское.

Она посмотрела на часы, заторопилась и пошла в кухню. Заботливая мама с детства приучила их с братом никогда не выходить из дома без завтрака.

Чтобы поставить чайник, к плите пришлось пробираться в обход раскладушки. Оля оценила, как Костик спит – почти уткнувшись головой в дверцу холодильника, и с сожалением отказалась от мысли слепить себе пару бутербродиков. На столе на огромном, с колесо телеги, фаянсовом блюде высились величественные руины маминого торта – пришлось свести весь завтрак к одному десерту.

Хрустя кирпичиками безе, Оля сосредоточенно думала, как она будет добираться в поселок Прапорный.

Это где-то за городом. По идее, там должен ходить какой-нибудь дачный автобус... Но не первого января. Значит, придется взять такси и заплатить за него теми самыми деньгами, которые мама с папой подарили ей на новые сапоги. Утром первого января такси за город как раз потянет на сапог – туда и сапог – обратно...

Оля вздохнула.

– Стыдись! – воскликнул ее внутренний голос. – Речь идет о спасении близкого тебе человека, единственной подруги, а ты думаешь о том, как соблюсти свои шкурные интересы?!

Оля снова вздохнула. «Шкурные интересы» – это определение идеально подходило к мечте о сапогах из натуральной кожи...

– Пре-кра-тиии! – вдруг простонал Костик.

– Что? – Оля прекратила жевать.

– Ты же как корова!

– Такая толстая?

Оля обеспокоенно оглядела себя сверху вниз и решила, что праздничные застолья еще не сказались на ее фигуре. Но Костик никогда не отличался особым тактом.

– Звенишь, как корова колокольчиком!

– Ой, извини!

Смекнув, в чем дело, Оля поспешно вынула ложечку из чайной чашки, но брат уже проснулся.

– Умммммм...

Он потер виски и прижался лбом к холодильнику.

– Голова болит? – умеренно посочувствовала Оля. – Небось пили все подряд, что нашли, дурачки мелкие!

– Сначала шампанское, потом вино, потом пиво, – припомнил Костик и опасливо покосился на старшую сестру. – Оль, а винное пятно со свитера отстирается или нет?

– Какое вино?

Оля нахмурилась. Красивый бежевый свитер был ее новогодним подарком неразумному младшему брату.

– Розовое, – Костик оценил ее гримасу и скорчил жалобную рожицу. – Ты же отстираешь, Оль? Свитер такой красивый! Я в нем всем девчонкам понравился.

– Прямо уж всем? – Она фыркнула.

– Всем до единой! – Костик повеселел. – Большое тебе спасибо за такой классный подарок! А я тебе тоже кое-что приготовил. Только это будет сюрприз.

– Новый год уже прошел! – напомнила ему Оля и встала.

Ни от брата, у которого нечасто водились деньги, ни вообще от судьбы никаких классных подарков она не ждала.

Такси до Прапорного удалось вызвать без проблем. Очевидно, все нормальные люди еще спали, так что ажиотажного спроса на заказные экипажи пока не наблюдалось.

– Просто чудно и непонятно, Евгения Евгеньевна, как это у такой бабушки, как вы, выросла такая внучка, как Елка! – уже не в первый раз удивилась Оля.

Баба Женя, даже поднятая по тревоге, не металась по квартире с охами и вздохами. Она внимательно выслушала сумбурные Олины объяснения и отреагировала так, словно всю свою семидесятилетнюю жизнь готовилась проснуться утром первого января от бешеного стука в дверь и бежать спасать непутевую внученьку. Открыла сервант – взяла с полочки Дашкины документы, шагнула к вешалке – надела поверх халата длинное болоньевое пальто, сбросила тапки – сунула ноги в винтажных «фильдеперсовых» чулках в теплые боты. Рассовала по карманам кошелек и мобильник, взмахнула перчатками, как полководец:

– Едем, Леля!

Оля с трудом подавила вздох облегчения.

Гневливый тип – голос по телефону – внушал хорошей девушке, незамужней учительнице, смутные опасения, и ехать к нему в поселок Прапорный, на улицу Березовую, восемь, в одиночку она робела. Присутствие деловитой и боевой старушки меняло ситуацию в корне: пусть теперь ОН тревожится и боится! Баба Женя три шкуры спустит с человека, посмеявшегося обидеть ее единственную кровиночку Елочку, да и Олю-Лелю, как свою, почти родную, она в обиду тоже не даст!

Даже таксист, мужик тертый, жадный и бессовестный (а какой еще стал бы работать утром первого января?), под напором бабы Жени сдулся, как проколотый воздушный шар, и уменьшил первоначально запрошенную сумму почти вдвое. Правда, настроение это ему испортило основательно, и всю дорогу до Прапорного он бубнил что-то нелестное про стервозных и скаредных баб. Железобетонную Евгению Евгеньевну этот монолог несколько не тронул, а вот Оля краснела и страдала от совокупных мучений: было стыдно считаться стервой, совестно быть жадной и обидно называться бабой в свои неполные тридцать пять.

Худенькая и стройная, Оля обычно слышала в свой адрес гораздо более приятное: «Девушка, а девушка?» Даже школьники за глаза называли ее не Ольгой Павловной, а Олечкой. А некоторые особенно дерзкие старшеклассники, случалось, порывались после занятий проводить «Олечку Палночку» домой, мотивируя смелое предложение необходимостью помочь хрупкой русичке нести тяжелую сумку, туго набитую ученическими тетрадками.

– Приехали! – сказал таксист, резко остановив машину у одинокого столбика с указателем «пос. Прапорный» и при торможении выбросив из-под колеса фонтанчик снега и мерзлой земли.

Синяя табличка с надписью покрылась толстым слоем льда и блестела, как лакированная.

Оля опасливо посмотрела на волнистое белое поле, в отдалении поросшее слабо волнованными сизыми дымками, похожими на зарождавшиеся смерчи, и робко напомнила:

– Нам на улицу Березовую, дом восемь!

– Тогда говорите, куда дальше ехать! – Вредный таксист пожал плечами.

По идее, отправной точкой для поиска одноименной улицы могла бы стать какая-нибудь береза, но ни единого дерева в поле зрения не имелось. Сразу за столбиком с обледеневшим указателем дорога разветвлялась на три рукава.

«Направо пойдешь – коня потеряешь, налево пойдешь – голову сложишь, прямо пойдешь – и сам пропадешь, и коня потеряешь», – вспомнилось Ольге Павловне незабываемое, фольклорное.

– А сам ты слепой, что ли?! – грубо, но действительно осадил зарвавшегося водилу баба Женя. – Видишь, две дороги в снегу – по самое дорогое, а по третьей след тянется!

Оля присмотрелась: след тянулся налево. Туда, где «голову потеряешь»!

– Видишь, кто-то тут проехал не так давно! Давай гони туда же, – распорядилась баба Женя.

«Гони» – это было слишком сильно сказано.

Недовольно урча, машина поерзала, приблизительно вписалась в колею и тряско двинулась в направлении дымных смерчей.

Минут через пять стало видно, что они вырастают из присыпанных снегом крыш, затем такси поравнялось с крайним домовладением, и из-за забора послышался бодрый собачий лай. К первому псу охотно присоединился второй, затем третий, и вскоре искрящийся морозный воздух задрожал, сотрясаемый мощным собачьим хором. Судя по голосам, до появления машины четвероногие друзья отчаянно скучали.

– Мы разбудим весь поселок! – без тени вины констатировала баба Женя.

– И нас побьют, – опасливо добавил таксист.

Он еще больше сдулся и притих. Оля тоже помалкивала, высматривая названия улиц и номера домов.

«Березовая, 8» было размашисто начертано мелом на черном металлическом заборе. Без ошибок, машинально отметила русичка Ольга Павловна, но скверным почерком, который неприятно напоминал каракули обаятельного и харизматичного хулигана и двоечника Витьки Овчинникова из пятого «Б».

Нехорошее предчувствие, появившееся у Оли еще в ходе разговора с телефонным грубияном, заметно усилилось. Педагогический опыт подсказывал ей, что человека с таким почерком невозможно обескуражить строгим взглядом и действительно нейтрализовать короткой командой: «Садись, два!»

Вдобавок, приземистый дом номер восемь выглядел ничуть не более гостеприимно, чем военный блиндаж: ворота, калитка и дверь закрыты, а окна не только забраны ставнями, но еще и зарешечены длинными сталактитами могучих сосуллек. Они свисали с карниза по всему фасаду, как чудовищные зубы.

– Ждать не буду, через пять минут уезжаю! – оценив обстановочку, предупредил трусоватый таксист.

– Только попробуй! Я еще из ума и памяти не выжила, номер твоей машины хорошо запомнила! Вот как пожалуюсь в администрацию таксопарка, и уволят тебя к чертовой бабушке, будешь тогда на церковной паперти на бензин себе просить! – пригрозила ему в ответ баба Женя, выбираясь из машины.

Таксист пробурчал что-то нехорошее про разных чертовых бабушек и баб, и Оля, спасаясь от позора, поспешно вывалилась в снежную целину. Щеки у нее заалели, как два снегиря.

– Хозя-яяин! Эй, хозя-аааин! – уже распевалась, вытягивая шею, баба Женя, стоя у непроглядного забора. – Открывай! Вот пень глухой... Просыпайся, черт тугоухий!

Оля нервно тискала варежки.

По ее мнению, все окрестные пни, глухие и не очень, от баб-Жениных воплей должны были пробудиться к жизни, как старый дуб из романа Льва Николаевича Толстого «Война и мир». Собаки в близлежащих дворах лаяли, как крыловская Моська на Слона. Таксист с прямым намеком не глушил мотор машины. Оле очень хотелось провалиться под снег.

Наконец из-за забора донесся долгий зловещий скрип, а сразу за ним – грубый голос:

– Кого там черти принесли?

– Это я! – пискнула Оля, с некоторым облегчением узнав неласковый бас.

– «Я» бывают разные, – авторитетно сообщил обладатель баса, дополнив эту ценную информацию издевательским смешком. – Ты ли это, хорошая девочка, незамужняя учительница?

– Мы, мы! – нетерпеливо ответила баба Женя и грудью, в свое время вскормившей пятерых детей, мощно вломила в едва приоткрывшуюся калитку. – Да посторонись ты, орясина!

Оля неуверенно хихикнула.

Крепкие старушечьи боты на «манке» с вафельным хрустом протопали по снегу и с тележным скрипом – по дощатому крыльцу. Снова горестно застонали несмазанные петли, а затем гулко хлопнула дверь.

Оля замешкалась, выжидая, и дождалась: со двора на улицу выглянул хмурый мужик в перекошенной лохматой ушанке. Обтрепавшиеся шнурки развязанных ушей трепетали у вздувшихся желваками щек игривыми пейсиками. Кулаки у мужика были бугристые и крупные, как ананасы.

Краем глаза Оля заметила, что такси тихо двинулось прочь, но ничего по этому поводу не сказала и даже не дернулась. Цепким взглядом из-под густых бровей хмурый дядька удержал ее на месте.

– Здравствуйте, – шепотом сказала Оля.

Снегири на ее щеках замерзли и обесцветились.

– Ну, привет, незамужняя девочка, хорошая учительница, – без особой сердечности ответил мужик и оглянулся через плечо. – А это кто? Твоя злая дуэнья?

– Это Евгения Евгеньевна, Елкина бабушка, – холодно ответила Ольга Павловна, не привыкшая к тому, чтобы ей нагло хамили и бесцеремонно «тыкали».

– «Елкина бабка» – это хорошо сказано, – заметил грубиян и неожиданно славно улыбнулся: – А что такое «орясина», ты мне объяснишь?

Снегири оттаяли.

– В толковом словаре Ушакова просторечное слово «орясина» означает «большая палка, дубина, жердь», а также «человек высокого роста», – без запинки протараторила Ольга Павловна.

– Дубина, значит? – Мужик пошевелил бровями и отступил во двор, освобождая калитку. – Ну, заходи, что ли, хорошая-незамужняя!

В доме было сумрачно и густо пахло табаком, борщом и собачьей шерстью.

Оля машинально огляделась в поисках теплых мужских носков подходящего для орясины сорок десятого размера, разложенных на печи для просушки, а также с целью традиционного вымогательства у Дедушки Мороза праздничных подарков. В качестве подходящего презента в данном тяжелом случае зримо виделись, например, бутылка дешевой водки и гирлянда сосисок.

– Что не так? – чутко уловив гримаску на девичьем лице, насупился хозяин дома.

– Как-то не празднично у вас, – проямлила Оля, не увидев ни искомым носков, ни каких-либо других элементов новогодне-рождественского убранства.

– Да уж какой тут праздник! Выспаться, и то не дают! – язвительно ответил мужик.

– Извините, – кротко сказала Оля и снова огляделась, вспомнив про спящую где-то тут подругу Елку.

Баба Женя, очевидно, свою любимую внучку уже нашла: из смежной комнаты доносились ее жалобные причитания, перемежавшиеся сердитой руганью. Причитания адресовались бедной Дашеньке, ругательства – в адрес абстрактно злой судьбы и конкретно приютившего Елку мужика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.